

ства, обмена и потребления материальных и духовных благ и преодоления возникшего антагонизма внутри общества средствами правового воздействия. Когда новый уровень жизни человека и общества достигнут, повысилось качество жизни данного социума, правовая система утрачивает черты переходности.

Под влиянием объективной общественной потребности в переходный период изменяется сущность правовой системы. На первоначальном этапе перехода явно проявляется закономерность: чем менее развита сущность правовой системы, менее дифференцирована, тем более абстрактны, декларативны, менее определены,

устойчивы принимаемые нормативно-правовые акты. И наоборот, чем более развитой станет сущность, чем более она дифференцируется во всех отраслях правового регулирования, тем более зрелыми, упорядоченными и устойчивыми будут формы права.

Выявление основных черт правовой системы переходного периода представляет собой довольно сложную задачу из-за ее противоречивой сущности. Еще отечественные правоведы дореволюционной поры отмечали, что действующее право после государственных преобразований представляет собой пеструю амальгаму, трудно поддающуюся юридическому анализу¹.

¹ Шалланд Л.А. Русское государственное право. — Юрьев, 1908. — С. 153.

Осипян Б.А.¹

НЕКОТОРЫЕ ВАЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Во все времена массовой утраты истинной любви, веры и смысла жизни, помутнения источников бытия и разума, ожесточения сердец и падения нравов, низкопробности вкусов и размельчения надежд, разгула страстей и загрязнения языка, роста уровня преступности и зыбкости правопорядка в обществе особо остро ощущается необходимость качественно нового осознания вечных, животворных и поучительных начал Божественной мудрости. В особенности это касается глубокого и всестороннего осознания и познания идеи права, в которой эта высшая мудрость-воля и разумная человеческая жизнь сливаются в едином образе и становятся залогом упорядоченной личной и социальной активности и ответственности людей, их духовного освобождения и спасения от зла, болезни и смерти. Дело в том, что право в своей совокупности является одним из сущностных и потому законоположенных проявлений духа и воли Бога, равно как и проявлением сообразной и соразмерной Промыслу Божьему воли конкретных народов. Право, в силу его разумной, рациональной нормированности и санкционированной общеобязательности, в определенной мере является незаменимым импульсом для духовного и нравственного преобразования умо- и волеастроения людей, возвышения образа их повседневной жизни.

Обращаясь к разнообразным знаменаниям Святого Духа в человеческой истории, мы ясно видим, что право в сво-

ем эволюционном, пространственно-временном развитии, выполняя своеобразную роль двигателя человеческой души, разума и науки, а также служа необходимым средством ежедневного разрешения насущных жизненных проблем, становилось существенным этапом приближения каждого человека, народа и всего человечества к своему первоначальному богообразию, высокому достоинству и предназначению. Общеизвестно, что именно в нормах права очевидно проявлялись, систематизировались и практически реализовывались надлежащие и императивные идеи, ценности, цели, принципы, нормы и образцы бытия и поведения людей.

К великому сожалению, в последние столетия так называемого «просвещенного» или «воинственного» атеизма обнаруживается непрерывная тенденция пагубной эмансипации идеи права от абсолютных и неизменных заповедей Бога, юридического закона от его духовных, нравственных, традиционных и правовых корней, от его высшей цели и предназначения в жизни каждого человека, народа и человеческого рода в целом. Однако, представляется, что без религиозных, нравственных и традиционных корней идеи права и понятия меры невозможно адекватно воспринимать и осознать такие явления, как право, государство, закон, ответственность, критерии правомерности и законности². Между тем некоторые небезызвестные законоведы искренне полагают, что не дело юристов заниматься проблемами исследования основания самой идеи права и зако-

¹ Осипян Борис Арташесович — кандидат юридических наук, доцент, корреспондент журнала «Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы», член Международной федерации журналистов.

² См. также / Berman H.J. Faith and order. Reconciliation of Law and Religion. — Michigan, Cambridge, U.K. 1993. — P. 32.

на, поскольку они выходят за пределы формально-логической, дисциплинарной, мемориальной и утилитарной юриспруденции. Им кажется, что профессиональным юристам ничего больше не остается делать, как доверчиво принимать на веру общепризнанные положения современных наиболее авторитетных мыслителей-философов о праве и законе, на этом фундаменте строить различные правовые теории, производить их законодательное нормирование и практическое применение в бытовой жизни. Подобный чрезмерно осторожный и узкий подход к науке правоведения имеется у многих известных юристов, в особенности, у английского теоретика права К.Аллена, который был самозабвенным критиком юриспруденции широкого фронта («megalomaniac jurisprudence»)¹.

Возможно, что сторонники такого сугубо специализированного подхода к изучению права отчасти правы, однако, это ни в коем случае не должно отговаривать серьезных правоведов-фундаменталистов от самостоятельного, целостного, в глубоком смысле этого слова, так сказать, любительского, неспециализированного исследования вечных и насущных проблем права во всех его доступных для человека измерениях. Ведь без глубокого проникновения и познания сущности и Божественного предназначения права и отражающего его юридического закона вряд ли возможно будет точно определить в каждом конкретном случае надлежащую меру, или норму, истинной свободы и ответственности правовых субъектов как перед своим изначальным Законодателем-Богом, так и перед своими ближними и дальними производными законодателями. При таком «дисциплинарном подходе» нелегко будет также четко установить предельную сферу действия тех или иных правоохраняемых ценностей, целей, принципов, норм, институтов и функций, посредством реализации которых идея права и применение юридического закона могут получить какое-либо положительное теоретическое значение и практический смысл. В свое время Гегель, обосновывая необходимость широкого, метаправового исследования государственно-правовых явлений, писал: «Идею составляет только то, что имеет своим предметом свободу. Следовательно, мы должны выйти и за пределы государства! (жалких творений рук человеческих — государства, конституции, правительства, законодательства)»². В таком мировоззренческом и жизнесмысловом подходе Гегеля к рассматриваемой проблеме содержится изрядная доля истины, которая свидетельствует о том, что основным источником зла и общей неустроенности жизни каждого человека, государства и общества является не только и не столько недостаток хороших законов и государственно-правовых институтов, не столько отсутствие более или менее правомерной конституции, сколько отсутствие или недостаток истинной любви, веры и надежды в лучшее, малочисленность или социальная пассивность благоверных, благонравных, благоразумных и благодетельных людей в самом обществе.

Большинство современных людей, к своему несчастью, не имеет четких представлений об истинных истоках права, о его основных измерениях, поскольку, как

верно заметил живой классик американского правоведения профессор Г.Дж.Берман, «не только правовая мысль, но также и сама структура правовых институтов Запада, были лишены своих духовных оснований, а эти основания, в свою очередь, были лишены той структуры, которая стояла над ними. ...В наших правовых школах принято рассматривать право как нечто созданное политической властью, законодателями, судьями, административными работниками, как средство социальной инженерии, прагматический механизм для выполнения воли тех, кто временно находится у власти. Конечно, все это так: право есть и политика, и нравственность, и история, но все создающие его люди, законодатели и судьи, являются также слугами правовой реальности»³.

Дело в том, что сами законы в зыбких пределах современной демократии разрабатываются, обсуждаются, принимаются и исполняются уполномоченными представителями общества и потому на них, естественно, запечатлевается все то, что они сердечно любят, во что они действительно верят и на что надеются, т.е. их субъективное миропонимание, суеверия, предрассудки и часто скрываемый от публики истинный образ их повседневной осмысленной жизни. Стало быть, сама конституция и действующие законы изначально имеют производный характер и потому, чтобы они были более совершенными, требуется совершенство каждого из нас, как внутри, так и вовне, т.е. в наших взаимоотношениях с Богом и другими людьми. В то же время наличие совершенной конституции и законов способно в ощутимой мере возбудить в людях самые добрые чувства, мысли и намерения, либо в худшем случае спасительный страх и благоговение своенравных людей в целях поддержания их мирной и порядочной жизни.

Надо сразу признать, что поставленная проблема определения сущностного основания права, а также критерия правомерности издаваемых позитивных законов, учреждаемых институтов и осуществляемых функций на всем протяжении существования человеческого общества всегда была, есть и будет самой актуальной как фундаментальная проблема теоретической и практической юриспруденции. Возможно, что, ввиду своей постоянной актуальности, очередная постановка данной проблемы весьма ценна для научного познания и практического разрешения многих производных проблем современной юриспруденции. Тем не менее, всегда надо помнить, что любые предлагаемые и претворяемые решения, естественно, всегда останутся относительными, временными, ограниченными и недостаточными. Правометрические и межэрологические исследования законоположенных социальных отношений в конечном счёте приводят к выводу о том, что основанием всякого истинного права и порядка является Бог и производные от Него — неиссякаемая любовь, высокое достоинство и призвание человека, а также проистекающие из них соответствующие права, свободы и обязанности субъектов права, которые в своей упорядоченной совокупности образуют у них чувство, понятие и способность правовой ответственности. В свою

Без глубокого проникновения и познания сущности и Божественного предназначения права и отражающего его юридического закона вряд ли возможно будет точно определить в каждом конкретном случае надлежащую меру, или норму, истинной свободы и ответственности правовых субъектов.

¹ Allen C.K. Law in the Making. — Oxford., 1935. — P. 35.

² Гегель. Работы разных лет. — Т. 1. — М., 1970. — С. 211–212.

³ Berman H.J. Law and Revolution. Cambridge/Mass/. — London, 1983. — P.198; Faith and Order: The Reconciliation of Law and Religion. — Michigan / Cambridge, U.K., 1993. — P. 335.

очередь законодательное установление и реализация правовой ответственности последовательно возводят участников правоотношений к понятиям абсолютного человеческого достоинства, надлежащего призвания и предназначения каждого народа и человека, которые формируются в соответствии с конституирующим всё человеческое бытие и сознание исходным образом Бога-Создателя и Его неизменным Словом.

В этом свете постепенно проясняется, что наиболее достойное понимание и правовая оценка всего временного и мерного, относительного и конечного могут быть правильно даны лишь с позиций вечного и безмерного, абсолютного и бесконечного, каким является наш Господь-Создатель. В противном случае мы все, в зависимости от социально-политического расклада, постоянно будем обречены на нескончаемые пылкие споры и бесплодное доказывание истинности приводимых наших теоретических догадок и доводов, равно как и на периодическое горькое признание и чистосердечное раскаяние в своих очередных научных заблуждениях. Чтобы избежать, или по крайней мере, выйти из порочного круга подобных горестных ошибок, государственным политикам и юристам не следует произвольно отменять вечные, абсолютные и повелительные заповеди Бога всякими мирскими человеческими преданиями, теориями, разрозненными аргументами и позитивными законами, которые противоречат воле Бога и Его объективным законам, которые неумолимо действуют в природе и человеке и обществе.

Почти полвека назад гениальный американский математик и один из отцов-основателей кибернетики Н. Винер высказал парадоксальную мысль относительно идей предполагаемой эволюции и прогресса, мысль, согласно которой люди погружены в жизнь, в которой мир подчиняется второму закону термодинамики: беспорядок увеличивается, а порядок уменьшается¹. Возможно, что эта идея противоречит нашим привычным антропоцентрическим и гуманистическим представлениям о прогрессе, под которым мы понимаем все, что угодно и удобно для мирского существования и благосостояния человека и общества, кроме восприятия идеи и понятия меры сотворенности людей по образу и подобию Бога, а также ответственности перед Ним и Его творениями.

В любом, даже в самом экономически развитом обществе людей с неустроенными сердцами и безбожно настроенными умами и привычками существует другой объективный закон — закон преобладающего роста проблем над возможностями их решения, при котором вместо одной псевдорешенной проблемы возникают семь не менее трудноразрешимых проблем. Не исключено, что по этой же причине многие правительства вынуждены суетно и беспорядочно плодить множество разнообразных законов, основанных на действующих конституциях и общепризнанных международно-правовых актах, которые, как показывают результаты ближайшего и конкретного рассмотрения, сами по себе, особенно в расставленных ими приоритетах и акцентах, не всегда и не во всем выдерживают испытание на свою правомерность или достаточную

целесообразность. К примеру, общепризнанный международно-правовой и конституционный принцип — разрешается все, что не запрещается законом, — несмотря на свою кажущуюся невинность и правомерность, нередко ассоциируется и сопровождается нравственной вседозволенностью и фактически побуждает большинство духовно и нравственно несовершеннолетних людей совершать недостойные для любого человека, но законодательно незапрещенные поступки. Такое происходит также потому, что все общепризнанные положения международного и конституционного права неправомерно возводят права и свободы человека из ранга необходимых средств в ранг достаточных целей индивидуальной и социальной жизни, пренебрегая ценностями и целями сохранения абсолютного человеческого достоинства, высокого призвания, предназначения и смысла жизни. А безбожно и демагогически понимаемый и комментируемый принцип всеобщего равенства людей независимо от их духовного, интеллектуального, социального и иного статуса возбуждает в большинстве слабых людей чувства зависти и дерзости и ведет к нестабильности правопорядка. Дело в том, что эти вырванные из контекста Божественных заповедей и целостного видения мира (фундаментальной теории и многовековой практики) абстрактные принципы, давая, с одной стороны, определенную пользу делу упорядочения человеческих отношений, по сути, с другой стороны, в существенной мере отвлекают необходимое внимание и усилия людей от познания истинных причин разрушительных социальных конфликтов на всех уровнях их возникновения: на личном, семейном, национальном, межконфессиональном и общечеловеческом. Между тем негоже, чтобы позитивные законы всякого рода и уровня своей бесчисленностью и преступной бездейственностью

затмили бы светлый дух всеисцеляющей любви и животворящей веры, высокой просветительской нравственности, освобождающего знания, солидаризирующих обычаев и традиций каждого конкретного народа.

Право и отражающие его позитивные законы всегда имели определенные пределы своего благотворного воздействия на жизнь каждого человека и социальный порядок, и потому всякие иные человеческие ожидания от права и законодательства вне этих пределов являлись изначально тщетными, лукавыми и вредными. Для того, чтобы научно определить эти пределы или оптимальную меру индивидуального и социального действия права, прежде всего, необходимо вернуться к его первоисточнику, к оригинальным основаниям и приоритетным целям, которые в своей сущности непреходящи, а по своему содержанию и формам многообразны и динамичны в зависимости от различных объективных и субъективных пространственно-временных факторов их реализации. Законы, как индикаторы зла, греха и правонарушения, как средства их проклятия, возмездия и наказания, в полной мере не могут принимать на себя миссию тотального восполнения или исправления внутреннего мира и поведения людей. Они не могут искусственно заменять собой функции других, так сказать, метаправовых нормативно-

Общепризнанный международно-правовой и конституционный принцип — разрешается все, что не запрещается законом, — несмотря на свою кажущуюся невинность и правомерность, нередко ассоциируется и сопровождается нравственной вседозволенностью и фактически побуждает большинство духовно и нравственно несовершеннолетних людей совершать недостойные для любого человека, но законодательно незапрещенные поступки.

¹ Винер Н. Кибернетика и общество. — М., 1958. — С. 49.

регулирующих систем, каковыми являются традиционная для каждого народа религия, нравственность, национальный язык, наука, образование, искусство, обычаи и традиции. В противном случае вместо обетованной свободы, счастья и материального благополучия они готовят благоприятную почву, на которой способны вырасти только семена периодически переходящих друг в друга крайностей демократического произвола («революционного беспредела») или тотального государственного диктата, т.е. чрезмерного вмешательства официальных властей в личную жизнь каждого человека.

Стало быть, как ни парадоксально, государство для поддержания стабильного правопорядка обязано прежде всего заботиться о воспитании в своих гражданах истинной, или, по крайней мере, традиционной веры и нравственности, либо, по крайней мере, соответствующей ей идеологии о поддержании чистоты национального языка и порядочно-го образа жизни, чтобы не быть потом вынужденным издавать бесчисленное множество малоэффективных, дисфункциональных и криминогенных законов, которые простым людям трудно понять и исполнять с пользой как для себя, так и общества в целом. На самом деле чрезмерное количество законов не нужны в том обществе, в котором личные и социальные отношения людей в достаточной мере упорядочены истинной любовью и верой, нормами добрых нравов, обычаев и традиций.

В правовой жизни общества отсутствие законодательного признания такой гармонической взаимосвязанности различных метаправовых ценностно-нормативных, организационно-регулятивных и контрольных систем, позволяет различного рода невежественным и корыстолюбивым людям под прикрытием теорий так называемого естественного права и либерально-демократического осуждения юридических проблем официально легализовать также изначально безбожные, безнравственные, бессовестные и недостойные для звания человека явления, которые исходят из греховной природы человека, мирской суеты или убивающей тоски. Такой подход проявляется, например, в законодательном попустительстве таких бытовых мерзостей, как пьянство, наркомания, публичное сквернословие, рекламируемая проституция, сводничество, гомосексуализм, мнимый безопасный секс, массовые аборты, однополые браки, заказные самоубийства (эвтаназии) и т.д.

В наше время усиливается тенденция восприятия конституции государства как самодостаточной системы правовых идей, ценностей, целей, принципов, норм, институтов и функций, которые как бы основываются на самих себе, поскольку светское государство и большинство людей по суетному недоразумению считают религию, совесть, достоинство, нравственность, убеждения, чистоту языка людей всего лишь частным делом каждого человека и потому неправомерно оттесняют их на задний план в качестве второстепенных факторов общесоциального контроля и регулирования, к которым государство должно относиться нейтрально. Однако такое неправомерное, хотя и конституционно провозглашенное равнодушие государства к вышеперечисленным ценностно-нормативным ориентирам мировоззрения, воли и поведения людей и общества, неизбежно приводят к состоянию низкого уровня правосознания, вольного или невольного законодательного и правоприменительного произвола.

Представляется, что основное конституционное противоречие нашего времени, так сказать, «синдром конституционного самоубийства», состоит в том, что конституция (в том числе и образцовая Конституция Европейского Союза) и приводящие ее в действие законы и подзаконные акты, которые, объективно проистекают из животворных источников веками сложившихся верований, нравов, обычаев, традиций и нормативного лексикона каждого народа, идеологически и политически, хотя и неправомерно, провозглашают полную нейтральность к своим же корням: к Богу-Создателю, к традиционной религии, к человеческой совести, к высокому человеческому достоинству и призванию, к нравственности и подчас даже к самой идее права и правомерности. К примеру, немногие из конституций современных государств устанавливают четкую конституционную систему правовой ответственности для самих законодателей, или уполномочивают своих судей в своих решениях полагаться не только на приоритетную букву позитивного закона или же на положения самой конституции, но также и на саму изначальную идею права, как на дух рационализированных и легализованных Божественных заповедей, по меркам которых должна разрабатываться и реализоваться как сама конституция, так и вся производная от нее система действующего законодательства.

В наше время для многих людей становится все более очевидным то, что такие явления социальной жизни, как религия, нравственность, национальный язык, обычаи, государство и право в своей сущности являются не только и не столько результатом компромиссного соглашения порабощенных первородным грехом людей, сколько являются объективными и необходимыми явлениями Божественного Предопределения (Провидения), которые официально признаются и по-своему принимаются каждым народом. Такое видение социальных явлений основано на позициях духовной и правомерной защиты истинной веры, лучшей надежды и всепобеждающей любви автора к своему Создателю и ко всем Его творениям (особенно имеющим Его образ и подобие, сознание и разум, свободную волю и ответственность), поскольку именно они представляются вечными ориентирами нашей внутренней и внешней свободы, ответственного самоопределения согласно своему высокому человеческому достоинству, призванию, назначению и ведения должного образа ежедневной смыслонаправленной жизни.

Более того, являясь первоосновой истинной государственно-правовой мудрости, религия, нравственность, обычаи, традиции, язык, наука, искусство и т.д. в своей сущности представляют собой мать-кормилицу права (*legum nutra*) и позволяют создать синкретическое единство своеобразных форм человеческого самосознания, творческого мировоззрения, личной и социальной свободы и ответственности. Дело в том, что без признания их невидимого и вечного единого корня трудно понять всю глубину идеи права и должным образом оценить его плоды в форме действующих правомерных законов, институтов, функций и стабильного правопорядка в целом.

Вовсе не случайно, что в глубокой древности правоведение рассматривалось нашими предками как святое дело познания путей небесной мудрости, дел Божественных и человеческих в их органической целостности. Не случаен также тот факт, что многие религиозные,

На самом деле чрезмерное количество законов не нужны в том обществе, в котором личные и социальные отношения людей в достаточной мере упорядочены истинной любовью и верой, нормами добрых нравов, обычаев и традиций.

нравственные, обычные и правовые нормы по сути своей совпадают, или, как правило, не противоречат, а взаимно дополняют друг друга. Так например, религиозные заповеди — не убей, не кради, не лжесвидетельствуй и т.д. — по своему смыслу и содержанию являются также нравственными и обычно-правовыми принципами и нормами. Причем, на религиозном уровне они предупреждают человека о том, что преступающий эти запреты духовно убивает, обкрадывает и обманывает прежде всего самого себя; на нравственном уровне они предупреждают человека о необходимости уважать и ценить в своих ближних то, что он сам имеет, уважает и ценит в своем человеческом достоинстве; на уровне обычая эти нормы гарантируют социальный мир и солидарность, безопасность и порядок. На уровне идеи права и закона они предупреждают человека о социально-государственной значимости, обязательности признания и сохранения равного достоинства каждой человеческой души, тела, свободы, имущества и других правоохраняемых объектов, а также устанавливая ответственность и наказание за каждое преступление этих властно установленных запретов. В подобных случаях всякая мера правового воздействия и, в особенности, уголовное наказание правонарушителей, является необходимым, хотя и недостаточным средством внушения последним отрезвляющего страха, разбременяющего от совершенного греха и преступления чистосердечного раскаяния, исправляющего душу положительного опыта, освободительного знания и спасительной веры для последующего сохранения ими всего того, во что они произвольно не верили, что по своему невежеству или злему умыслу не хотели признавать, что пренебрежительно не соблюдали и нарушили своим безответственным поведением.

Все это свидетельствует о том, что между правом и другими метаправовыми ценностно-нормативными и организационно-регулятивными формами самосознания и мировосприятия людей, государства и общества существует объективная гармоническая взаимосвязь, произвольное отрицание или пренебрежение которой может вести каждого и всех в состояние многообразных внутренних и внешних конфликтов, в состояние душевного и социального хаоса и аномалии, политического и правового расстройств и импотенции. Дело в том, что если внутренний настрой чувств, мыслей и переживаний людей не совпадает с внешним порядком законодательных напоминаний и внушений, то, ввиду внутреннего протеста и восстания человеческих душ, неизбежно возрастает необходимость широкой демократической тирании, которая способна механически вытеснить собой из социальной жизни другие не менее важные и действенные ориентиры и регуляторы человеческого поведения.

Современная жизнь все чаще и глубже убеждает нас во все возрастающей недостаточности средств государственно-правового контроля, принуждения и регулирования проблем личной и социальной безопасности, мира и порядка, неэффективности действия многочисленных скороспелых, подчас неправомерных, законов в деле

улучшения жизни людей. **В стремлении спасти современное право от недостатка духа, души и силы П.Сорокин призывал к признанию необходимости целостного видения мира, должной оценке места, роли и органической взаимосвязи всех метаправовых и правовых координационных систем (религии, этики, науки, искусства, языка, культуры, права, политики и т.д.), восходящих к единому Создателю, поскольку «когда общество освобождается от Бога и от Абсолюта и отрицает все связующие его моральные императивы, то единственной действенной силой остается сама физическая сила»¹.**

Представляется, что нынешний правовой нигилизм главным образом происходит из духа безбожия и безверия, укоренившейся привычки вести безнравственную и беспорядочную жизнь, ленивого невежества и неуважения к установившимся религиозным и национальным обычаям и традициям, чистоте нравов и языка, без которых установленные законы, как регуляторы личной и социальной жизни, значительно обесцениваются, становятся малодейственными или даже вредоносными.

В этом смысле чрезвычайно важно, чтобы некоторые общепризнанные и узаконенные нормами международного права соблазны и заблуждения гордого и суетливого человеческого ума автоматически не становились за-

конодательными основоположениями, особенно, если они изначально безбожны, безнравственны, неправомерны и не содержат в себе чистого источника и непреодолимой силы Божественной любви, истинной веры, чистого от греха разума, свободной и ответственной жизни, благодаря которым единство идеи права и санкционированного закона на деле становится предметом прикладного искусства добра и справедливости, воздающим каждому по его правоохраняемым поступкам. Это вовсе не означает, что надо вообще отказаться от международно-правовых стандартов и принципов, без которых вряд ли можно найти общий язык международно-правового общения людей, а, напротив, предлагает активную выработку общезначимых правовых критериев, исходящих из объединяющей силы животворной и целительной любви, спасительной веры, облагораживающего разума и вдохновляющего опыта межличностного и международного доверительного общения.

Такой подход к процессам правотворчества и правоприменения неизбежно связан с определенным переосмыслением и, возможно, пересмотром некоторых веками сложившихся в профессиональном сознании законовевов юридических аксиом и принципов² (например, *viva justitia, pereat mundus; norma normans, non normata, etc.*), которые, несмотря на свой ограниченный положительный смысл, который заключается в необходимости точного исполнения требований закона, все же недостаточно полно отражают метаправовые и правовые реалии жизни человеческого общества и потому в определенной мере препятствуют истинному развитию науки правоведения, искусству законотворчества и практической реализации правосудия.

Так например, религиозные заповеди — не убей, не кради, не лжесвидетельствуй и т.д. — по своему смыслу и содержанию являются также нравственными и обычно-правовыми принципами и нормами.

¹ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — С. 503.

² См.: Осипян Б.А. Новый правовой завет депутатам парламентов мира, или конституционная система правовой ответственности законодателей // Представительная власть — XXI век. — 2003. — № 1, 4; Идея саморазвивающейся системы права // Журнал российского права. — 2004. — № 4.